

Владимир Михайлович Шулятиков

Теоретик талантливой жизни

Владимир Шулятиков

Теоретик талантливой жизни

«Public Domain»

1905

Шулятиков В. М.

Теоретик талантливой жизни / В. М. Шулятиков — «Public Domain», 1905

«Мы будем говорить о положительных сторонах чеховского мирозерцания. До сих пор весьма значительная часть читающей публики, в своих суждениях о Чехове, упорно держится того взгляда, что заключить о положительных идеалах названного писателя нельзя за неимением достаточных данных. Чехова считают объективным художником-фотографом, смотревшим на жизнь оком беспристрастного наблюдателя, стоявшим вне всяких партий, отказывавшимся излагать свои личные воззрения. При этом делается ссылка на авторитет самого писателя: устами одного из своих героев Чехов, как известно, защищал принцип «свободного искусства», то есть искусства, которое требует от художника единственно воспроизведений, непосредственных впечатлений, не преломленных сквозь призму какой-либо определенной тенденции или идеи. Но «свобода» искусства означает в данном случае лишь свободу от «гражданских» тенденций, свободу от господствующей оценки плодов литературного творчества. ...»

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Владимир Шулятиков

Теоретик талантливой жизни¹

Мы будем говорить о положительных сторонах чеховского мирозерцания. До сих пор весьма значительная часть читающей публики, в своих суждениях о Чехове, упорно держится того взгляда, что заключить о положительных идеалах названного писателя нельзя за неимением достаточных данных. Чехова считают объективным художником-фотографом, смотревшим на жизнь оком беспристрастного наблюдателя, стоявшим вне всяких партий, отказывавшимся излагать свои личные воззрения. При этом делается ссылка на авторитет самого писателя: устами одного из своих героев Чехов, как известно, защищал принцип «свободного искусства», то есть искусства, которое требует от художника единственно воспроизведений, непосредственных впечатлений, не преломленных сквозь призму какой-либо определенной тенденции или идеи. Но «свобода» искусства означает в данном случае лишь свободу от «гражданских» тенденций, свободу от господствующей оценки плодов литературного творчества. Провозглашенный принцип сам по себе отнюдь не ставил Чехова вне всяких партий, вне всякой групповой идеологии. Представление о писателе, закованном в доспехи непроницаемого объективизма, вообще есть не более как фетиш: подобных писателей никогда не существовало, не существует и существовать не может. Как и всякий беллетрист, Чехов явился выразителем определенных групповых интересов, исходил в своих художественных работах из цикла впечатлений, чувств, стремлений, идей, характерных для определенной общественной единицы. Более того, его следует признать одним из самых видных носителей идеологии группы, к которой принадлежал: не чем иным как именно удачным истолкованием данной идеологии, яркой передачей определенных групповых настроений обуславливается его шумная популярность среди широких слоев интеллигенции.

Нижеследующие строки служат пояснением высказанного нами взгляда: Чехов как теоретик «интеллигентного пролетариата» – такова тема нашей статьи.

I

Обратимся к источникам чеховского пессимизма. Присмотримся ближе к «душевым драмам», переживаемым наиболее, типичными из чеховских героев, «сереньких», «хмурых людей». Все эти драмы построены по одному общему образцу, в основе их всех лежит один характерный *Leitmotiv*. Приват-доцент Коврин («Черный монах») подводит конечные итоги своего житейского опыта; ход его рассуждений таков: «Он думал о том, – сообщает нам автор, – как много берет жизнь за те ничтожные или весьма обыкновенные блага, какие она может дать человеку. Например, чтобы получить под сорок лет кафедру, быть обыкновенным профессором, излагать вялым, скучным, тяжелым языком обыкновенные и притом чужие мысли, – одним словом, для того, чтобы достигнуть положения посредственного ученого, ему, Коврину, нужно было учиться пятнадцать лет, работать дни и ночи, перенести тяжелую психическую болезнь, пережить неудачный брак и проделать много всяких глупостей и несправедливостей, о которых приятно было бы не помнить. Коврин теперь ясно сознавал, что он – посредственность!..» Именно на почве этого сознания «посредственности» развивается драматический замысел рассказа, Коврин сходит с ума и в предсмертном бреде воображает себя гением. В данном случае мы имеем дело с несколько исключительной развязкой. Но если откинуть патологический момент развязки, то мы получим основную предпосылку чеховского пессимизма. Тоска по талантам – вот как должны мы определить этот пессимизм.

«Пропала жизнь! – восклицает охваченный приступом острого отчаяния герой драмы «Дядя Ваня» в патетической сцене третьего акта. – Я талантлив, умен, смел... Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр², Достоевский... Я зарпортовался! Я с ума схожу». Войницкий действительно зарпортовался, но, в столь своеобразной форме им сделано интересное *profession de foi*. «Хмурый человек» в самую драматическую минуту своей жизни высказал свое затаенное желание, определил свой положительный идеал – быть талантом. Жизнь пропадает, жизнь не имеет положительной ценности именно при условии отсутствия талантов.

«Отчего мы, едва начавши жить, – исповедуется один из героев «Трех сестер», – становимся скучны, серы, неинтересны, ленивы, равнодушны, беспомощны, несчастны... Город наш существует уже двести лет, в нем сто тысяч жителей я ни одного подвижника ни в прошлом, ни в настоящем, ни одного ученого, ни одного художника, ни мало-мальски заметного человека, который возбуждал бы зависть страстное желание подражать ему». Так чеховский герой резюмирует свои наблюдения над областью жизненных явлений, проходящих перед ним. В приведенных словах дана наиболее полная и совершенная формулировка чеховского *Weltschmerz*'а³.

Талантов нет на горизонте общественной жизни: ни обитатели «мещанского» царства, составлявшие главный предмет художественного изображения Чехова, ни «одиноким рыцарям»

² Шопенгауэр Артур (1735–1860) – знаменитый немецкий мыслитель, основатель философии пессимизма.

³ В своей оценке чеховского пессимизма проф. Овсянко-Куликовский близко подходит к подобной точке зрения. Он говорит: «это пессимизм особого рода, не тот, который основан на убеждении, что в жизни человека больше зла и страдания, чем добра и счастья, а также не тот, который возникает из исключительного созерцания всего, что есть в натуре человека и в жизни ненормального, дикого, зверского. Пессимизм Чехова основывается на глубокой вере в возможность безграничного прогресса человечества, на убеждении, что оно вовсе не идет назад, а только слишком медленно идет вперед, и главным препятствием, задерживающим наступление лучшего будущего, является нормальный человек, который не хорош и не дурен, не добр и не зол, не умен и не глуп, не вырождается и не совершенствуется, не опускается ниже нормы, но и не способен хоть чуточку подняться выше ее (см. его сборник статей: «Вопросы психологии творчества», статья А. П. Чехова, стр. 225). Но подметивши правильно главный источник чеховского пессимизма, проф. Овсянко-Куликовский, к сожалению, не становится на почву социологического объяснения: почему именно отвращение к нормальному человеку положил Чехов в основу своего пессимистического взгляда на вещи, остается для читателей проф. Овсянко-Куликовского полнейшей загадкой. Кроме того, проф. Овсянко-Куликовский не дал надлежащего развития высказанной им мысли; заручившись надежной путеводной нитью, он не воспользовался ею для оценки различных сторон чеховского мировоззрения.

на час, протестующие против мещанской культуры, не могут заявить о себе как о талантливых людях: они лишены того, что является, согласно определению, данному Чеховым⁴, конститутивными признаками таланта: «смелости, свободной головы, широкого размаха». Вот о чем говорят все произведения Чехова, вот та исходная точка зрения, которая придает характер цельности мирозерцанию чеховских героев, стоящих на различных ступенях общественной иерархии, имеющих перед собой отдельные обрывки действительности, не поднимающихся до понимания общего хода охватывающего их исторического процесса, смущенных и подавленных «хаотичностью» приобретаемого ими жизненного опыта. «Сколько бы я ни думал, и куда бы ни разбрасывались мои мысли, – жалуется профессор в «Скучной истории», – для меня ясно, что в моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного. В моем пристрастии к науке, в моем желании жить... и во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всем, нет чего-то общего, что связывало бы все это в одно целое. Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинах, которые рисует мое воображение, даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей». Но почтенный профессор ошибается, «если бы он несколько внимательнее анализировал свои чувства и мысли, он должен был бы убедиться в противном, открыл бы нечто такое, что объединяет отдельные моменты его психической жизни, направляет его чувства и мысли к одному определенному руслу, заставляет его на все различные факты наблюдаемой им действительности реагировать неизменно с одной определенной позиции. В самом деле, пересмотрим некоторые из его суждений. Возьмем, например, его отношение к ученикам. Профессор перечисляет их недостатки; главным образом опечален тем, что в среде его слушателей нет «талантов»: «они (ученики) охотно становятся ординаторами, ассистентами, лаборантами, экстернами и готовы занимать эти места до сорока лет, хотя самостоятельность, чувство свободы и личная инициатива в науке не меньше нужны, чем, например, в искусстве или торговле. У меня есть ученики и слушатели, но нет помощников и наследников, а потому я люблю их и умиляюсь, но не горжусь ими».

⁴ «Дядя Ваня», действие 2-е, заключительная сцена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.